

Мануил (Лемешевский), митр. «Соловецкий цветник» Ч. 1.

Соловецкая обитель прпп. Зосимы и Савватия в течение столетий была духовным бастионом Православия на крайнем севере Русской Земли. Здесь сформировался особый тип соловецкого подвижничества, выявились неповторимые черты русской святости, обусловленные местной традицией, природой, историческими обстоятельствами, и в первую очередь Божественным Промыслом, благоустрояющим и определяющим пути человеческой жизни. Господу угодно было насадить на этих некогда безжизненных и удаленных островах благоухающий Сад спасения, который в течение многих веков украшался дивными и редкими цветами. Пустынножители, трудники, безмолвники, старцы, тайновидцы, постники, молитвенники и аскеты — сколько этих светлых и Богоугодных душ прославляют ныне Небесного Царя в Соборе соловецких святых!

«Соловецкий Цветник» составлен Мануилом, епископом Лужским, в период его заключения в Соловецком лагере особого назначения с 1924 по 1928 год. В него вошли отдельные жизнеописания, составленные в разное время большей частью неизвестными Боголюбцами из монашеской братии, записи монастырских преданий, сделанные самим еп. Мануилом, рукописи, письма, заметки благочестно проживших праведников, синодики, послужные списки, Соловецкие Некрополь и Патерик и некоторые другие источники, свидетельствующие об удивительном и многообразном мире соловецкой святости.

Читатель «Цветника» откроет для себя не только сокровенные стороны духовной жизни монастыря, но и драматические, исполненные напряжения и сил страницы многолетней «соловецкой смуты», приведшие, в конечном итоге, к печальному, но закономерному исходу, когда из твердыни духа Соловецкая обитель была превращена в тюрьму и концлагерь. Грозное Божественное прещение не пощадило ни насельников, ни хранимых ими святынь за гордое отвержение данных обетов и упорствование в грехе.

Рассуждая о причинах русской национальной катастрофы, следует внимательнее проанализировать те глубинные апостасийные процессы, которые наблюдались в духовной жизни России в начале XX века, в том числе и в среде известнейших и старейших монастырей, традиционно служивших оплотом православной веры и благочестия. Ныне, спустя много лет, когда Соловецкая обитель вновь возвращена к жизни и новое поколение монахов возносит свои молитвы к Богу и Его Пречистой Матери о спасении Русской Земли, особенно важно помнить трагические уроки прошлого и свято хранить Божественные заповеди, продолжая исконные традиции православного подвижничества и следования главной цели христианской жизни — стяжания Духа Святаго.

Текст «Соловецкого Цветника» публикуется впервые по машинописной копии из архива митрополита Мануила. Данная публикация представляет собой журнальный вариант одной из ранних и в то же время значительных агиологических работ автора, во многом определивших его судьбу как церковного исследователя и историка русской святости.

М.М.

АРХИМАНДРИТ ИОАННИКИЙ († 6 июня 1921)

«Случися, — рече старец Савватий, — по нашим грехом, Богу попускающу, погоре у нас в монастыре трапеза со всем монастырским запасом» (О пожаре в 1484 году // Житие и чудеса прпп. Зосимы и Савватия. Л. 34.).

«Много молихом Всещедраго и Всемилоствиваго Господа Бога, но не послушаша нас, но прогнеवासя на место сие, и хошет вскоре обитель огнем пожещи: яко преимуции во обители неправы творят в братии, и братия також всегда ропщут, и терпения не имут, и того ради гнев Божий приводят на обитель» (Слово прп. Зосимы старцу Леониду в 1538

году незадолго до великого Соловецкого пожара в сем году // Житие и чудеса прпп. Зосимы и Савватия. Л. 50 и оборот).

«В монастыре ропот неимоверный» (Письмо митр. Филиппа братии из Москвы в 1560 году // История Соловецкого монастыря. С. 47).

«Что посеешь, то и пожнешь» (Слово митр. Филиппа игумену соловецкому Паисию, оклеветавшему его с братией данными им ложными показаниями в Москве из-за великих ему посулов // История Соловецкого монастыря. С. 52).

«При архимандрите Паисии в монастыре произошло некое нестроение. Враг диавол испросил на время искушить обитель и живущих в ней; искушаемые же оказались нетерпеливыми» (Слово Феофана пустытника // Соловецкий патерик. С. 142).

Взятые мною выписки из соловецких летописей, историй и патерика о бывших здесь неоднократных смутах и восстаниях братии против настоятелей имели целью показать читателю, главным образом, из числа соловецкого братства, и вообще всякому доброму христианину, насколько пагубными для души и для общего дела являются такого рода нестроения, раздоры и смуты и какими грозными прещениями и наказаниями они впоследствии караются.

Приступая к изложению жизнеописания бывшего на покое настоятеля о. Иоанникия, должен указать здесь на то, что его личность суммировала в себе всю горечь накопившегося ко времени его избрания скрытого и явного недовольства бывшим настоятелем о. Мелетием. Последний даже вынужден был покинуть обитель и смежить очи свои в чужом монастыре только потому, что братия не пожелали его. Главная школа и линия административного монастырского управления о. Иоанникия сложились в 12-летнее настоятельство о. Мелетия. Его цельная, неугомонная, карающая, дисциплинирующая натура держала весь монастырь на известной высоте и в постоянном напряжении, слегка ослабленном при о. Варлааме, чье недолгое, успокоившее и умиротворившее всех правление дало братии вздохнуть...

Но вновь дух деятельности о. Мелетия воплотился в о. Иоанникии — одном из ближайших его сотрудников. Вот откуда и недовольство старшей братии, сравнительно быстро изучившей о. Иоанникия. Много горя, соблазна и потрясений — физических и моральных — принесла борьба двух сил в монастыре; она воочию показала, насколько обе стороны находились на ложном пути, хотя иногда были и правы, и как их в конце рассудил Сам Господь.

Жизнь отца Иоанникия условно можно разделить на три периода:

1. Жизнь в монастыре до избрания в настоятели (путь восхождения).
2. Настоятельство (путь достижения идеалов и борения за общее благо).
3. Пребывание на покое (путь личного возрождения).

I

Отец архимандрит Иоанникий в миру прозывался Иваном Филипповичем Юсовым, был сыном крестьянина Архангельской губернии Онежского уезда Филиппа Юсова и жены его Марии. Родился он в 1850 году. Неплохо выучившись грамоте, отрок Иван по изволению родителей был отправлен по обещанию в Соловецкий монастырь на безвозмездные труды для святой обители. В то время в северных губерниях, среди поморов, очень широко практиковался обычай — посылать своих детей на разные сроки в Соловецкую обитель поработать «на преподобных».

17-летним отроком прибыл смиренный Иван Юсов в Соловецкий монастырь в настоятельство о. архимандрита Мелетия. Попав в состав трудников (годовиков), он был назначен на общие послушания по хозяйству. За трудолюбие, тихий нрав и усердие к храму Божию и келейной молитве братия полюбили Ивана и склоняли его по окончании срока остаться в монастыре еще на немалое время. Видя в окружающих поддержку в своем внутреннем решении, которого он открыто и в окончательной форме никому не

высказывал, Иван с благословения монастырского начальства подробно отписал родителям о своем житье и испросил себе родительское благословение на дальнейшее пребывание во святой обители на неопределенное время. Хорошо усвоив уклад внешней монастырской жизни и сердечно полюбив сию святую обитель, он со временем и сам принял твердое решение остаться в ней и сложить здесь свои кости. А между тем, видя в нем неослабевающее рвение к монашеской жизни, добросовестность в исполнении возлагаемых на него послушаний и прежнее усердие к храму Божию, куда он старался всегда попевать одним из первых, отец настоятель и старшая братия радовались такому радивому и примерному труднику-иноку и постепенно стали поручать ему более важные дела, каковые Иван всегда исполнял быстро, толково, тщательно и благоговейно — по-монастырски.

По прошествии некоторого времени Ивана Юсова зачислили в монастырские послушники, затем постригли в рясофор, а вскоре после сего и в мантию, с именем Иоанникий. Умудренный опытом, утвержденный мужем мудрым и благоговейным, он принял великий постриг в сравнительно молодые годы, и вся его энергия и все его труды послужили в дальнейшем на благо святой обители и на спасение своей души.

Обладая хорошей грамотностью по сравнению с большинством малограмотных, а то и вовсе безграмотных из соловецкой братии, о. Иоанникий, как испытанный, надежный, всегда трезвый, честный и деловитый, вскоре был рукоположен в иеродиакона и назначен на должность делопроизводителя, очевидно, Собора. Через сравнительно небольшое время он возводится по ходатайству о. Мелетия во иеромонаха и одновременно указом Синодальной конторы назначается казначеем сего монастыря. Дальнейшее повышение — назначение его на должность наместника Соловецкого монастыря.

Восходя от силы в силу, от одной духовно-административной степени к другой, он всегда и везде обдуманно и осторожно приступал к делу и, как ближайший помощник отцев настоятелей Мелетия и Варлаама, пользовался у них неограниченным доверием во всех распоряжениях и действиях, касающихся монастырского хозяйства. Но столь же авторитетно и доказательно выявлял он свой голос и на собраниях Духовного Собора, где соединял многолетний опыт монастырской жизни с присущей ему редкой наблюдательностью в освещении святоотеческих писаний, в которых был начитан и весьма просвещен, поэтому ни одно распоряжение Духовного Собора не проходило без того или другого влияния его на дело. Все это, несомненно, выдвинуло его в глазах братии на первые роли.

Недолгое управление святой обителью о. архимандритом Варлаамом указало монастырской братии на необходимость выбора преемником сему о. Иоанникия. Да и сам о. Варлаам как раньше, так и незадолго до своего смертного одра неоднократно высказывал желание иметь своим преемником всем известного и всеми уважаемого о. иеромонаха наместника Иоанникия.

16 декабря 1894 года мирно отошел ко Господу о. архимандрит Варлаам, почти беспомощный, тяжело страдавший последние месяцы от болезни почек. Вскоре после этого, в начале 1895 года, братия единогласно избрали в настоятели Соловецкого монастыря о. Иоанникия, о чем и послано было в Синод соответствующее заявление Духовного Собора монастыря на предмет утверждения выборов.

Весною 1896 года о. Иоанникий был утвержден в сей должности с возведением в сан игумена и через год — в сан архимандрита.

II

С этого времени начинается второй период деятельности настоятеля великой и славной Соловецкой обители о. архимандрита Иоанникия. Трудно теперь сказать, какими мотивами руководствовался он, принимая те или иные меры исправительного и

дисциплинарного характера. Нельзя думать, что здесь отчасти имело место сведение личных счетов с теми из братии, которые в период его казначейства и наместничества мешали его деятельности и предначертаниям. Несомненно одно — он руководствовался, главным образом, стремлением не только внешне возвеличить и возвысить вверенную ему святую обитель, но и обновить и возродить духовно ее насельников. Но у него не хватило на это духовной силы, молитвенной теплоты и внутреннего сердечного подвига. Обращая больше внимания на внешнее действие в пределах чина и благообразия, он не сумел воспитать в братии настолько же духовных людей. О каких-либо особых подвигах или подвижничестве (как, например, отшельничестве, пустынножительстве) в период его настоятельства не было и речи, ибо царский путь иноческого шествия предпочитался всем другим.

Вот приблизительно тот путь, который прошел, вступив в управление сей обителью, ее бывший трудник, постриженник, плоть от плоти ее, кровь от крови ее, вот почему судить его строго за те или иные распоряжения, которые несвоевременно им будто бы предлагались к исполнению, или за те мероприятия, видимость пользы которых не сразу обнаруживалась, вовсе нельзя.

Надо все время помнить, что здесь мы имеем дело не с заурядной личностью, а с человеком, с отроческих лет всецело посвятившим себя святой обители, отдавшим свои лучшие молодые годы на тяжелые труды во благо ее, с человеком, который поставил себе известные цели и с непреклонной волею со времени своего настоятельства стал проводить их в жизнь.

Все свои силы, весь свой опыт, всю свою неутомимую и кипучую энергию прилагает он делу возвеличения святой обители. И как пастырь многочисленного словесного стада, и как начальник северного оплота Православия, он сумел совместить в себе оба эти направления, дав широкий простор деятельности всей монашествующей братии на благо обители. Через это, все те, кто старался ему мешать, тормозить его решения или пересуживать и критиковать их в такой плоскости, что дальнейшему деланию грозила задержка или пагуба, рассматривались им уже не как личные его враги, недоброжелатели или завистники, а как враги св. обители, преподобных ее хозяев Зосимы и Савватия и Самой Предстательницы пред Господом — Царицы Небесной.

Хорошо начитанный в Слове Божиим и умело пользовавшийся им, он всегда наставлял свою братию ссылками на Священное Писание, чем подчеркивал не самость сих вразумлений, а указывал на их божественную природу. Тем самым он слагал с себя ответственность за свои указания и увещания. И в силу этого он никогда не останавливался ни перед чем в моменты, когда требовалось проявить настоятельскую власть во всей полноте своего авторитета, а если нужно, и величия, что он вправе считал вполне законным делом.

С самого начала его настоятельства монастырское хозяйство стало постепенно расширяться. В первые же годы из фонда государственных земель был приобретен расположенный от Соловецких земель в пяти часах пути парходом остров Кондо, сплошь покрытый сосновым лесом. Это дало возможность монастырю открыть там смолокурный завод (даже с изготовлением скипидара), который работал на отходах от лесной таксированной разработки бревен и болот и продукция которого шла на строительные и хозяйственные нужды монастыря и его скитов. В эти же годы на Кондострове устроится скит с храмом в память святителя Николая, где проживало небольшое братство, из числа тех монастырских насельников, которым требовалось наказание за их озорство, непослушание и другие провинности и нарушения правил монастырской жизни.

Во время посещения Соловецкого монастыря военным министром Куропаткиным было испрошено для защиты от нападений на обитель 8 орудий и 600 ружей с соответствующим количеством снарядов, для возможной перевозки орудий по острову монастырю было пожертвовано несколько породистых лошадей из Государственного

конезаводства, а на Муксолье был устроен конезавод, где выращивались лошади для военной монастырской потребности.

Благодаря разработке новых пастбищ, в том числе и за счет осушения болотистых сенокосов, постепенно стало также увеличиваться и число рогатого скота.

Были приняты исключительные меры по охране лесов и очистке их от гнилья и сухостоя.

Со временем около дока была построена электрическая станция (1911–1912 годы). Чтобы наладить работу водяной турбины все забитые, засоренные каналы были прочищены, а более мелкие озера, прилегающие к системе Святого озера, были соединены новыми каналами. Это дало возможность электрической станции почти без затраты дров круглый год освещать монастырь.

Ввиду все возрастающего числа богомольцев, ежегодно посещавших св. обитель, о. Иоанникий предпринял постройку нового парохода «Вера», вместимостью в 500 человек.

С расширением хозяйства росло и число рабочих рук. Почти никто из приезжавших потрудиться в св. обитель не имел отказа — всем находилось место, все получали необходимое. Благодаря этому, а также внешнему церковному благочинию монастырские доходы постепенно увеличивались и нужды ни в чем не ощущалось. Божие благословение зримо почивало на сей обители, особенно в первые годы настоятельства отца Иоанникия.

Но не только заботы о внешнем побуждали его на новые и новые труды. Видя низкий уровень грамотности и образования поступавших в св. обитель трудников, он решил расширить существующее монастырское училище, и к 4-м общим классам было прибавлено 4 специальных класса — богословских (по семинарской программе). Для преподавания в них богословских предметов были выписаны преподаватели с высшим и средним богословским образованием, которые были обеспечиваемы монастырем как нельзя лучше. Как будто ничто не должно было мешать внешнему и явно выразившемуся процветанию св. обители. Все приезжавшие на богомолье удивлялись образцовому и обширному монастырскому хозяйству, умилялись особенным благолепием, уставностью и пением монастырских служб, тому общему и редкому порядку, который проявлялся во всем, исключительно благодаря заботливому и мудрому хозяину св. обители. Все это не только возвышало его авторитет как настоятеля, но и окружало св. обитель особым блеском славы и любовью многочисленных ее богомольцев и поклонников.

А такие старцы, как иеросхимонах о. Зосима (4 мая 1920) и целый сонм других, согревали и ободряли богомольцев, и разносилась далеко по всей Земле Русской молва о том, что «семя Христово... здесь свято и нерушимо, что здесь стояние мира христианского ощущается особенно сильно в величии славы прошлого св. древней обители и в обозрении ее современного редкого состояния...»

И в Св. Синоде Соловецкая обитель пользовалась большим авторитетом, не было почти ни одной просьбы о. Иоанникия, в которой бы Синод отказал ему. Отец архимандрит вел обширную переписку с другими русскими обителями и среди монашествующих современников считался далеко не заурядной личностью, несмотря на то, что у него было всего лишь неполное среднее образование.

Внешне как будто все предвещало общее благоденствие и умиротворенность для св. обители. Были некоторые тревожные признаки, свидетельствовавшие, что наружное спокойствие и благополучие не есть внутреннее здоровье. Старая, вековая, исконно сатанинская по своему происхождению монастырская болезнь — раздор и неповиновение настоятелю — постепенно стала проявляться. Несмотря на беспрекословное исполнение братией монастыря всех распоряжений настоятеля, ощущалось начало духовной бури то в скрытом недовольстве Духовного Собора, то в открытых соблазнительных разговорах некоторых из старшей братии. Яд был впущен, семя сатанинского делания начало обнаруживать свои плоды.

Все это началось в то время, когда о. Иоанникий, после своей почти 16-летней настоятельской деятельности, как никогда крепко чувствовал свою устойчивость. И тут

иногда стала появляться в его распоряжениях тень злоупотребления своей властью за счет мнимого поддержания ее авторитетности в ущерб правде Божией и пользе монастыря. Словно некий туман обвил о. настоятеля, и он начал пребывать в состоянии прострации, самооправдания, излишней самооценки и самоуверенности.

Враг рода человеческого избирает орудием борьбы с властью тех из братии, которые за свои проступки так или иначе потерпели от настоятеля всяческое (по их мнению) поношение или унижение (перевод из кремля в дальний скит и топи). И потряслась до крайности жизнь отца настоятеля, и возмущилось внутреннее тихое монастырское житие неописуемыми и невыразимыми скорбями. В то время мало кто из восставших против него мог предположить неимоверную горечь последствий начинающейся смуты.

И более всего недовольство братии стало проявляться с того времени, когда во всех распоряжениях и мероприятиях о. настоятеля появилась навязываемая им непогрешимость и авторитетность.

Считая себя в Духовном Соборе авторитетным и безапелляционным не только потому, что он являлся, как настоятель св. обители, и председателем его, но и по своему духовному опыту и просвещенности (начитанности), о. Иоанникий сам неоднократно начинал противиться воле Духовного Собора и, вопреки мнению большинства, настаивал на своем, не стал снисходить к противоречиям, прислушиваться к мнениям и предостережениям, но уже все делал по своему рассуждению. Таким образом, Духовный Собор должен был стать послушным орудием в его руках, но он таковым быть не мог. И вот две могучие силы начинают сталкиваться между собою, нарушая мир и потрясая основы монастырского жития в соблазн и горе младшей братии.

Члены Духовного Собора, видя проявляемую о. настоятелем настойчивость в проведении им противных воле Собора мероприятий и пожеланий, стали огорчаться, и негодовать, и, уже не скрывая, открыто выражать свое возмущение в частных келейных суждениях.

Началась черная смута. К тому же и о. Иоанникий иногда стал явно проявлять оплошности и несомненные ошибки. Теряя всяческую поддержку Духовного Собора в исполнении своих предначертаний, он не стал более, как раньше, доверяться окружающим. Все это вынудило его преобременить себя всесторонними заботами о хозяйстве, которое не должно было пострадать от начавшегося нестроения. Это повлекло за собою сперва одиночное, а затем все более и более повторяемое манкирование Богослужениями. Все чаще и чаще братия стали замечать пустующее настоятельское место. Участились его отлучки по скитам и подворьям. И иногда на прямые вопросы некоторых из братии о причине его отсутствия за Богослужениями, что открыто начинало подрывать храмовую дисциплину, о. Иоанникий ссылался то на многочисленные хозяйственные заботы, то на свое нездоровье, то на какие-либо другие причины. Не только храм Божий стал им реже посещаться, что приводило к постепенному угасанию духовной ревности и отсутствию должного внимания к своей душе, но и трапеза уже сиротствовала без своего наставника и руководителя. Бывшие еще не так давно ежедневные трапезования со всей братией постепенно заменились лишь посещениями их по праздникам и в дни его служений. В остальное время он пользовался отдельным столом, который стали ему готовить в настоятельских покоях. Постепенно, глядя на эти разрушения древних обычаев и заветов преподобного Зосимы, сперва старшая, а за нею и остальная братия стали ходить на трапезу все реже и реже, а приходили на кухню сами или посылали служку, или певчих, или кого-либо из ближних своих за обедом и ужином, которые дома и вкушали.

Когда же о. Иоанникий, неожиданно появляясь то в храме, то в трапезе, замечал все эти упущения и нарушения, чреватые тяжелыми последствиями — разложением монашеской жизни (чего он не мог не видеть и не понимать), и делал виновным в сих нарушениях выговоры, а иногда налагал и взыскания, то негодованию на него не было

предела. Не желая терпеть таких наказаний и обид (по мнению виновных, незаслуженных), они прямо в лицо, открыто порицали его самого как первого нарушителя, еще недавно ревностно исполняющего монастырские установления о посещении Богослужений и трапезы. Тем самым создавался великий соблазн и возникала горечь от ощущения невозможности найти общие пути для обоюдного примирения. Сердца взаимно ожесточились.

Со временем язва сия разрасталась и недовольство братии управлением и поведением о. настоятеля увеличивалось, в среде братии стали обнаруживаться дерзкие нарушители монастырского порядка. Таковые бывали о. Иоанникием удаляемы из монастыря в скиты и дальние топи, но это не помогало, ибо и там, на новом месте, они более и более озлоблялись. Среди них были такие, которые старались и оттуда как можно сильнее огорчить о. настоятеля, досадить и нагрубить ему. А собратий на местах они старались склонять к своему образу мышления и всячески их убеждали, что самый вредный человек в монастыре — это о. настоятель, что все его дела служат ныне к посрамлению, разорению и умалению св. обители, что он стремится только к своему собственному прославлению и похвале в глазах высшего духовного и гражданского начальства с тем, чтобы заслужить себе новые высшие награды, хотя к этому времени у него их имелось уже более десяти.

В этот период скрытой, еще домашней смуты при посещении и обзрении св. обители высочайшими и другими высокопоставленными особами о. Иоанникий везде указывал, как с Божией помощью ему удалось придать монастырю надлежащий и образцовый вид. Но о. настоятелю еще неизвестно было, что в среде братии многие уже готовили ему скорбный крест.

Осенью 1913 года, получив разрешение Св. Синода, о. Иоанникий отбыл на Кавказ для лечения. Пока он отсутствовал, недовольные его управлением члены Духовного Собора: казначей, иеромонах о. Анатолий, и ризничий, иеромонах о. Аверкий, — склонив на свою сторону престарелого иеромонаха о. Ефрема, решили написать донесение в Св. Синод с просьбою удалить из монастыря о. настоятеля Иоанникия, как вредного ее управителя. Вся деятельность о. Иоанникия за последние годы была представлена в сем донесении вредной, безрассудной и ненужной для св. обители, а служащей только для его прихоти и возвышения в глазах начальства. Они убедили подписать донос еще 10-х иеромонахов, 4-х иеродиаконов и нескольких монахов.

Отец Иоанникий побывал в отпуске, а на обратном пути посетил Св. Синод. Там ему и вручили только что полученное на него донесение с предьявленными обвинениями, попросив его уладить это дело по-домашнему — «своим распоряжением».

По возвращении в св. обитель о. Иоанникий за молебном у св. мощей сказал всей собравшейся братии слово о мире и любви в предстоящей жизни, причем указал, что если до сего дня и были какие-либо недоумения, недоразумения или соблазны, то он, настоятель, все всем от души прощает.

Все стояли настороже, и мало у кого был на душе покой. Вся братия знали о посланном доносе, но не предполагали, чем закончится дело. Недовольные, так называемые доносчики, ждали приезда Синодальной комиссии, но не дождались. Вместо нее приехал обратно о. Иоанникий и, по-видимому, с прежним к себе доверием со стороны высшей церковной власти. Но и положение о. Иоанникия стало отныне тяжелым, так как в лице своих ближайших помощников: наместника, казначея и ризничего — отныне он имел непримиримых врагов.

Вся братия в значительной массе, конечно, не были посвящены в подробности и причины вражды и борьбы «подписчиков» с настоятелем и не хотели всего этого знать. Большинство их не было лично увлечено этими интригами, так как в монастыре они были одеты, обуты, всем обеспечены, трапеза и Богослужение давали, поддерживали и развивали телесные и душевные силы. Посему всякий, кто не был заинтересован в своем возвышении за счет скорби ближнего, а более думал о своем собственном душевном

спасении, искренно сокрушался о всех этих нестроениях, от всего сердца радовался словам мира, любви и единения, прозвучавшим в устах их настоятеля.

Но зато резко обозначилось воинственное настроение в среде тех священнослужителей и монашествующих, которые, восстав против своего настоятеля, уже давали друг другу посулы на возвышение, повышение и перемещение. Все стремившиеся к первенству, даже и не из числа «подписчиков», и все недовольные о. Иоанникием, так называемые обиженные, сплотились около отцов Аверкия и Анатолия, открыто заявивших, что они не отступят от задуманного дела, не успокоятся, пока не удалят о. настоятеля от управления.

Тогда настал черед действовать о. Иоанникию, в первую очередь уже в силу того, что его уполномочила высшая церковная власть, предложившая домашними средствами умиротворить и затушить начавшийся пожар, а с другой стороны, по той причине, что промедление в мерах пресечения грозило отныне всей обители еще более тяжчайшими последствиями. Враг ликовал, злоба, ссора, раздоры росли и углублялись, никто не хотел идти на уступки.

В первую очередь о. настоятель стал отстранять от занимаемых должностей своих самых непримиримых врагов, а на их место назначал преданных ему, хотя и сравнительно молодых монашествующих. В скором времени все главные зачинщики и взбунтовавшиеся «подписчики» были разосланы по разным скитам под строгий надзор проживающих в них отцов. Но и удаленные, несмотря на негласный надзор за ними и донесения о. настоятелю об их поведении, они продолжали на местах свое дело, не желая подчиниться о. настоятелю и всецело быть под его ответственностью, отсекая свою волю, пагубную в данном деле, не желая взять на себя терпение скорбей и несение собственного креста. Но, распаленные сатаной, они продолжали проявлять свою волю в новых кознях и доносах, на составление и подписи которых убеждали скитскую братию.

Все посылаемые в Св. Синод доносы возвращались о. настоятелю для сведения и принятия соответствующих мер. Это повлекло принятие о. настоятелем новых, более строгих способов пресечения по отношению к доносчикам и «подписчикам», вплоть до временной их изоляции. Но все это еще более ожесточало и озлобляло виновников начавшегося открытого неподчинения о. настоятелю. Между тем доносы не прекращались и бунтовщики все настойчивее просили в них избрания им нового настоятеля.

Вся же остальная братия, видя непрекращающуюся смуту и ее вредное влияние на молодых послушников и трудников, как неокрепших в монашеской жизни и более подверженных соблазну и шатанию умов, постепенно стали в мыслях и суждениях склоняться к тому, что, действительно, если о. настоятель сам отойдет от управления, то этим даст возможность всему монастырю хотя бы внешне умиротвориться. Все скиты, топи, сам кремль и все вокруг него ныло, стонало от этой великой скорбной смуты — разложения монашеского единства, что подрывало настоятельский авторитет чрез открытое неподчинение ему.

Наступил смутный, горестный 1917 год. Пользуясь общебратским нестроением, «подписчики» стали склонять многих из старшей братии, бывшей до сего времени в стороне от этой смуты, уже не на подпись на донесении, а на написание заявления Св. Синоду об удалении о. настоятеля от должности ради общего мира. Последние, большей частью даже не читая сего заявления-доноса, подписывали его. Таким образом они набрали до 70 подписей и избрали трех ходоков в уже новый Св. Синод.

Дело было весною, после небезызвестного Соловецкому монастырю февральского переворота и таких же потрясений в составе Св. Синода. Выбор пал на ризничего иеромонаха Аверкия, иеромонаха Викторина и уставщика монаха Викентия. Депутация прибыла в Петроград в разгар борьбы Временного правительства одновременно на двух фронтах: с большевиками — на внутреннем и с неудачами — на внешнем. Обер-прокурор Св. Синода Н. Львов обещал депутации всяческое содействие. У о. Иоанникия среди членов нового Св. Синода не нашлось сторонников, да и сам Синод, в случае неуважения

просьбы братии по данному письменному донесению, боялся широкой огласки соловецкой смуты в столичной печати, и своим указом от 4 августа 1917 года он уволил о. Иоанникия на покой. Причем в этом Указе ему было оговорено право пожизненно пользоваться бесплатным помещением и столом и получать ежегодно пенсию из средств монастыря в размере 2000 рублей. Братии монастыря было разрешено избрать себе нового настоятеля. Для наблюдения за выборами был командирован Преосвященный епископ Углицкий Иосиф (из Ростовской епархии).

Между тем вскоре после отъезда ходоков в Синод сам о. Иоанникий выехал в Москву на предстоящий там монашеский съезд. А по его окончании он около месяца проживал в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре в ожидании предстоящего Всероссийского Церковного Собора, в котором он должен был участвовать как выборный член от монашества.

Вот здесь-то совершенно случайно о. Иоанникий увидел в газете извещение об увольнении его от должности настоятеля Соловецкого монастыря. Прочитав это неожиданное известие, он только перекрестился и сказал: «Слава Богу за все, — и немного погодя, тяжело вздохнув, со слезами на глазах, тихо закончил: — Мне своих дел не стыдно». И тут же стал молиться. Отныне не было больше настоятеля о. Иоанникия, а остался только о. архимандрит Иоанникий, призываемый на новое служение — спасение своей собственной души.

Ш

Для о. Иоанникия начался новый период жизни — самоукорения, самоуглубления, самоусовершенствования. Уже в ветхом возрасте застало его сие новое делание, но не возроптала и не смутилась его скорбная душа. В ней произошел нравственный перелом. Краткое, но великое в своей мистической сути известие об удалении на закате дней от управления любимым им Соловецким монастырем быстро перенесло его воспоминаниями к первым дням поступления в святую обитель. И душа его, еще вчера бывшая уставшей и скорбной, вновь стала юной и радостной, готовой понести последний подвиг, бережно закончить свое крестное шествие для восприятия вечной жизни, для непрестанного славословия тех, кто соучаствовал с ним и кто вдохновлял его более 50-ти лет на служение святой обители.

Став отныне свободным от всех дел, обязанностей и званий, он не остался более в Москве, а поспешил в свой любимый Соловецкий монастырь, но уже не как хозяин его, не как власть имущий, а как богомолец, гость, что было не в радость тем из братии, которых не совсем удовлетворяло такое сравнительно почетное отхождение ненавистного им настоятеля.

По прибытии в монастырь о. Иоанникий занял помещение бывшего ризничего (одного из первых зачинщиков смуты против него). Помещение было близ настоятельских покоев. Когда же был избран новый настоятель — о. Вениамин, бывший духовник, то о. Иоанникий предъявил ему Указ Синодальной конторы о назначении ему ежегодной пенсии в размере 2000 руб. и просил выдачи ему денежного довольствия в счет полагающейся за истекшее время суммы. Но новый настоятель не решился выдать ему эти деньги без общего согласия братии, так как «подписчики» стали требовать удаления его в один из скитов и запрещали производить выплату ему каких-либо пособий. Так горькая судьба, как палка о двух концах, и здесь насмеялась над ним. Он, еще недавно сам удалявший недовольных в скиты, был под угрозой своей высылки в один из них. Он, еще не так давно распоряжавшийся в течение 22-х лет настоятельства не одним миллионом наличных денег, ныне был лишен возможности получить на удовлетворение своих нужд (лечение и др.) даже несколько сотен рублей, притом от той самой обители, доходы которой он преумножил за время своих забот о ней. Но отныне нужно было до конца нести этот душеспасительный крест.

Одно только смущало братию — все надежды на затишье смуты рушились, так как «подписчики» стали вести себя дерзко и с новым настоятелем, почти единогласно избранным всей старшей братией (из 80-ти голосов он получил 70), и открыто угрожали ему, не считаясь с его желаниями.

Все это заставило о. Иоанникия сделать запрос о своих дальнейших действиях по поводу выдачи ему назначенной пенсии. Св. Синод не замедлил с ответом, причем вторично подтвердил свое указание о беспрекословной выдаче о. Иоанникию пенсии, положенной за его многолетнюю деятельность, высокополезную для святой Соловецкой обители. «Подписчики» на этот раз не осмелились восстать на Св. Синод, и о. Иоанникию была выдана пенсия уже без препятствий и каких-либо угроз.

Октябрьская революция и перемена государственной власти наложили и на соловецкую братию особый отпечаток своевольтва. Результатом одного из первых проявлений братского самоволия было насильственное удаление о. Иоанникия в Савватиевский скит. Здесь ему отвели келлию в 2 комнаты в нижнем этаже деревянного корпуса. Свершилось над ним изгнание, какое он сотворял другим, и горькие и грозные слова Спасителя: «Каким судом судите, таким будете судимы» (Мф 1. 2) — воочию воплотились на нем и горечью и слезами утучняли его уже короткий и скорбный путь.

Часть братии в монастыре, некогда благоговевшей перед ним и по-прежнему любившей его, ныне, видя его таковое вынужденное отсутствие, сильно грустили, скорбели и открыто высказывали свои чувства торжествовавшим «подписчикам», которые и бедного о. Вениамина связали по рукам... Так пророчески сбылись слова блаженного старца о. Зосимы.

Кличка «подписчики» в устах всей братии иногда заменялась словом «клеветники», ибо много лжи и клеветы они возводили на о. Иоанникия в течение последних лет. Но по всему чувствовалось, что в лице отшедшего на покой настоятеля братия воистину потеряли своего самого верного стража, мудрого, опытного и твердого кормчего и руководителя. Неудачи стали преследовать многие монастырские начинания, словно на них не было уже Божия благословения... Ангел мира, Ангел — страж Соловецкой обители, видимо, покинул ее, и это страшило благоговейных и приводило их в ужас при мысли о будущей судьбе монастыря, так как все чувствовали, что Господь еще не явил Своего Суда в этом нечестивом деле, что торжество «подписчиков» временное.

Особенно тяжким в сознании благоразумной части братии было то, что именно о. Иоанникий в свое время принял в св. обитель большую часть восставших (или они поступали при его посредничестве и ходатайстве), почти всех их постриг в монахи и многих из них в свое время представил к священным степеням. И вот, дети, подобно Хаму, восстали на своего отца, продолжали издеваться над ним и травить его, ибо отцом себе они уже избрали денницу, самого сатану, «вершителя ада и клятв держателя». Слепленные, с криками и воплями о мнимой правде и поисках ее, они продолжали творить бесовское делание разделения братии.

Вскоре после изгнания о. Иоанникия, несмотря на предупреждение прп. Зосимой монаха Гурия (в видении) о грядущем возмездии за братскую смуту в том случае, если она не прекратится, в ночь с 7 на 8 декабря 1917 года в бучильном корпусе вспыхнул пожар, который быстро перекинулся на другие строения, угрожая всему монастырю. Чудесно спасенный от гибели Соловецкий монастырь получил первое предупреждение... «Что посеешь, то и пожнешь», — сказал митрополит Филипп соловецкому игумену Паисию, оклеветавшему его перед царем Иоанном и судом. И скоро получил о. Паисий свое, в полноте и мере.

Отец Вениамин после постигшего обитель пожара неоднократно высказывал братии, что сие несчастье Бог попустил на обитель за тяжкие братские грехи и смуту против прежнего настоятеля, причем как бы пророчески предрекая и о себе: «Все ли мы хороши сами? Отца Иоанникия не считали ли первым человеком, и его же загрязнили, и заплевали, и заушали. Ныне я кажусь многим из братии хорошим, но боюсь, что придет, и

скоро, время, когда и я буду казаться тоже худым и ненужным, и против меня также начнут вести козни и смуты». Говоря сие, о. Вениамин призывал всех усердно к миру, любви, примирению и к забвению всего прошлого и скорбного. «Отныне никаких обвинений против о. Иоанникия я принимать не буду», — твердо сказал о. Вениамин.

Из собравшейся во время этой беседы братии тотчас выступил иеродиакон Вячеслав и стал жестоко поносить о. Иоанникия, вновь обвиняя его в разных преступлениях. Но братия, даже не дослушав его до конца, с бесчестием вытолкали его из помещения. Всех охватило чувство покаяния из-за несправедливого гонения на своего старого настоятеля. Одни осознали греховность своих помыслов на его осуждении и слушание безумных голосов клеветы, другие — греховность того, что они сами, выступая, в той или иной мере содействовали низвержению своего начальника.

Вскоре после этого и новый настоятель о. Вениамин тоже стал нетерпимым для той части братии, которая продолжала неистовство и духовную борьбу с ним, а через него — с о. Иоанникием. Они начали неотступно требовать исполнения их воли: смещения с занимаемых мест всех должностных монастырских лиц, как ставленников ненавистного им о. Иоанникия, и назначения на эти посты своих сторонников. Выданные уже давно посулы неоднократно вызвали недовольство друг другом и в их среде. Но о. Вениамин твердо отвечал им, что он отказывается исполнять эти незаконные требования, и держал он себя непоколебимо, уверенно, независимо и в отношении всех других требований, продолжая тем временем одобрять и завершать дела, начатые о. Иоанникием в хозяйственной жизни монастыря. Этим он навлек на себя те же грозные поношения от бунтовщиков, как в свое время и о. Иоанникий. И до последних своих сил он нес сей крест.

Но вот все угрозы отошли в сторону, когда весной 1920 года Соловецкий монастырь (кремль, хозяйственные постройки, скиты) был занят сельхозом и лагерем политических заключенных.

«Подписчики», братия приуныли — теперь им было не до борьбы. Между тем о. Иоанникий пребывал в скиту среди не близких ему по сердцу людей, и, будучи на склоне дней своих, он стал постепенно слабеть и чувствовать приближение конца. Неоднократно проливал он обильные слезы о своих ошибках, падениях, злключениях, памятованиях злых дел братии, и чувство горького раскаяния все более и более охватывало его. Всему этому способствовало надвигающееся на монастырь новое бедствие — грядущее полное пленение его советскими учреждениями. Было беспокойно и в Савватиевском скиту. Чего еще более печального и скорбного мог ожидать он, находясь здесь, в тишине, среди красот окружающей его природы?!

Постепенно до братии стали доходить слухи о возможной скорой кончине о. архимандрита Иоанникия. И что-то зашевелилось, заволно-вало в их душах. Совесть начала обличать великих и малых смутьянов, хотя и не все, но многие из тех, кто оскорблял, поносил, не слушался, кто огорчал, доводил до гнева и тем или другим образом когда-либо досаждал своему бывшему настоятелю, — многие из таких потянулись на прощенное богомолье в Савватиевский скит — туда, откуда зачинался монастырь, откуда восходила некогда звезда Соловецкая, ныне тусклая, издающая смрад от скверных дел людских.

Приходили к о. Иоанникию и, подходя к нему под благословение, почти не узнавали своего бывшего настоятеля. Это был уже не тот прежний строгий и грозный настоятель, твердо державший в руках посох, некогда тучный, грузный мужчина с громким и резким голосом и властным покоряющим взглядом, не терпевший противоречий и всяких «но». Перед ними стоял согбенный старец, настоящий смиренный старец, во всей велелепоте своих седин и прожитых лет, изможденный от покаянных слез, вздохов и молитв. Братия не узнавали в нем своего отца и пастыря: истончилась плоть, обновился дух, смирился взгляд, сделавшись кротким, любвеобильным, всепрощающим.

Так хотелось подойти поближе и облобызать его в его смиренной ныне худобе и долго-долго стоять, прижавшись, рядом.

Время делало свое дело. Господь, «пришедый в мир грешныя спасти», скорбным крестным путем вел Своего верного раба (ибо Ему-то он никогда не изменял), некогда и заблудившегося, но ныне постом и молитвою себя смирившего и приготовившего к отшествию в вечный покой. Все его ошибки и преступления (по мнению «подписчиков») исчезали при виде новой его сущности. И как раньше, он поражал многих своим настоятельным величием, так ныне поражал всех окружающих глубиной своего смирения. Никто не знал фю келейных правил последнего времени, но большинству из братии удалось почти осязать труд и достижения молитвенного делания о. Иоанникия.

И ожесточил Господь сердце фараона (Исх 10. 27). Так повествовал пророк Моисей о нестроении, бывшем пред изгнанием еврейского народа из Египта. Но, как известно, ожесточение это пошло еврейскому народу во благо и привело его к окончательному освобождению. Некогда Господним попусшением ожесточались сердца многих из соловецкой братии. И они стремились сделать ложное благо монастырю, в недопустимой форме восставая против отца настоятеля. Изгнали его, поносили, заушали, осквернили его память — так казалось, по крайней мере, многим... Но что же?

Все сие пошло ему, поношенному и оклеветанному, во благо, ибо во благовремени смягчилось его сердце, как некогда смягчилось сердце фараона после 10-ти казней египетских. И отпустил тогда фараон из земли египетской израильский народ. Также и о. Иоанникий, по умягчении своего сердца, отпустил от себя всю злобу сатанинскую, всю горечь осуждения, всю скверну жестокосердия и многое другое, что старалось свить себе гнездо в его несовершенном сердце. И, освободившись от древней, вековой злобы и всем простив все и вся, он каждого приходившего к нему проститься принимал воистину с братской любовью, и все бывшие тогда у него ощущали в нем присутствие особого мира и благодати. И тихо текла его келейная молитва в присутствии прощающихся, все ощущали ее сладость и теплоту.

Так прошло еще немного времени. 6 июня 1921 года, напутствуемый, соборованный, примиренный со всем христианским миром, простивший всем и все (о чем неоднократно заявлял открыто всем окружающим), о. Иоанникий, в возрасте 71-го года, блаженно, тихо, почти безболезненно отошел ко Господу, пробыв на покое три года, а всего прожив в св. обители 54 года.

И исполнились на нем не раз говоренные им самим слова о современных ему соловецких подвижниках и блаженных: «Вид-то их благочестив и молчалив. А каков конец-то у самих будет?».

Конец его блаженной жизни показал нам, что не напрасны были братские молитвы о нем и что Господь не вменил ему во грех «вся бывшая незаконная и непотребная по времени и месту», все предал забвению.

... [Позвал брата] <вставка для удобства чтения>, до последнего времени с горечью вспоминающего своего бывшего настоятеля, и объявил ему для сведения братии, что он видел в райских обителях о. Иоанникия, которому вменены все скорби, и утеснения, и гонения, и поношения во спасение его души.

22-летний подвиг несения настоятельства не дал о. Иоанникию достичь намеченных при жизни результатов, отчасти по причине четырехлетней смуты, терзавшей монастырь в последние годы его настоятельства (1913–1917). Но и «подписчики» также не достигли своего — Господь простер и над ними Свой праведный суд. Всем нам да послужит это примером, предостерегающим от ошибок, допущенных с обеих сторон.

Такова жизнь о. Иоанникия. И пожалуй, главное в ней — пример безропотного предания себя воле Божией. Когда «вся земная его совершилася», он отошел на делание «богатеть в Господа». И на сем крестном пути он сделал все возможное при своих уже слабых телесных силах, подорванных многолетними нравственными потрясениями.

Ныне же верим, что о. Иоанний вместе с преподобными отцами соловецкими и Богоугодившими старцами, и пустынниками, и иными ведомыми и безвестными соловецкими подвижниками предстательствует за горячо любимую им святую обитель Соловецкую и молит Всевышнего, да мимоидет ее гнев Божий, да минет ее новая чаша страданий.

Праведники и подвижники благочестия в Соловецкой обители в период настоятельства о. Иоанния

Как ни странно, но приходится признать и указать на одно интересное явление: изводившая монастырь четырехлетняя смута несколько не повлияла на дух подвижничества в истинных рабах Божиих и верных Его слугах.

Отец Иоанний в течение почти целой четверти века своего настоятельства составил цельный и определенный взгляд на многие явления, положения и основания как соловецкой монастырской, так и монашеской жизни вообще. Подобно архимандриту Мелетию, он неуклонно и строго стоял на страже исполнения монашеских обетов и на поддержании нравственности среди насельников св. обители. От его зоркого взгляда не ускользала ни одна сторона жизни соловчан. Также он немало потрудился над укреплением монашеского духа в братии. И малейшее нарушение и грубо проявленное ослушание, да еще с Божиим прещением, сразу обнаруживало его взгляды на всех этих скорбных умом невольных и вольных самоубийц, на рядовых работников с разных общих послушаний.

Что же касается тех из братии, кои свою прожитую в праведной вере жизнь отдавали на суд Божий, будучи уже здесь, на земле, небожителями, то о них с благословения отца настоятеля вообще лишних разговоров не велось.

Сам же о. Иоанний неоднократно отзывался о них так: «Вид-то их благочестив и молчалив, а каков конец-то у самих будет?» И чрез это братия боялись при нем и между собою разговаривать на эти темы. А насколько опасались, явствует из рассказа одного поступившего в Соловецкую обитель в 1901 году немолодого монаха, сказывавшего, что ему говорили старые священнослужители, что «знают» старцев соловецких, но имена их открыть не могут, о чем и допытываться напрасно. Сии мужи были настолько прозорливы, что все вперед сказывали, словно читали по писаному. И прошлую жизнь вопрошавших открывали, словно и тогда были рядом с ними, никогда их не покидали.

Да, таковы были старцы еще в недавнее время, имена же их Ты, Господи, веши...

Жило и в то время много неведомых и великих подвижников — некоторые из них, по мнению о. Иоанния, исчезали из среды монастырского братства и уходили в пустынь, в глубь Соловецких островов. Были и такие трудники и послушники, что сами напрашивались у о. настоятеля на увольнение, получали паспорта, а затем с материка снова возвращались на Соловки на частных лойбах или малых карбасах, но не с тем, чтобы вновь поступить в св. обитель, а чтобы, высадившись в уже изученных ими потайных и глухих заливах и губах извилистого острова, удалиться в глухие соловецкие леса и там, «пустынею укрепляша себя», подвизаться о Господе — в одном из самых тяжелых подвигов.

Отец Иоанний знал об этом, при нем, несомненно, доживали еще эти неведомые старцы, хотя, быть может, новые пустынножители уже не встречались.

К сожалению, монастырский архив полностью сгорел в мае 1923 года и не осталось никаких материалов для разыскания неведомых пустынножителей, умерших в безвестности в дремучих лесах (углах) и дебрях извилистого Соловецкого острова.

Суровое управление монастырем о. Мелетием в течение 12-и лет и единовластное, длительное управление о. Иоаннием в течение 22-х лет составили в истории Соловецкого монастыря целую эпоху. Трехлетнее кроткое и молитвенное управление о.

Варлаама лишь ненадолго позволило монастырскому строю вздохнуть от введенных строгостей и уставоположений.

«А каков конец у самих-то будет?» — вот историческая фраза, неоднократно повторенная о. Иоанниием на вопрошания относительно того, как быть братии в отношении тех, кто, несомненно, отличался особым благочестием.

Будучи многими из братии поношаем за излишние строгости и неумолимость, о. Иоанникий Промыслом Божиим и к себе приложил сии свои слова. Став из опытного и выдающегося администратора-настоятеля рядовым архимандритом на покое, он последние три года жизни провел в таком смиренном несении своего креста, так изменился к лучшему, умягчился, стал добрым, кротким, любвеобильным к ближним, что своею тихою и блаженною кончиною воистину оправдал им же сказанные слова. А получив добрый конец жития своего, оправдал начало своей подвижнической монашеской жизни и искупил середину ее — период настоятельства, когда излишняя ревность к правилам и уставам сделала его жестоковыйным и охладила сердце его.

И только этим несколько отстраненным отношением к современным и предшествовавшим ему праведникам и подвижникам благочестия, совершавшим свой подвиг уже после составления Соловецкого патерика, составленного в XVII веке, изданного в Санкт-Петербурге в 1873 г., и можно объяснить те обстоятельства:

— что в последующих изданиях Соловецкого патерика содержание его нисколько не пополнилось сведениями о новых, недавно умерших праведниках и подвижниках, достойных летописного сказания;

— что в последние 30–40 лет на крестах совершенно отсутствуют надгробные надписи лирического характера, которые благодарные почитатели посвящали соловецким праведникам и подвижникам за их святую и благочестивую жизнь. (А ведь именно по этим эпитафиям и удалось нам восстановить память о соловецких подвижниках за период 1821–1871 годов.)

И так как все благоустраивается волею Божию и Божественным попущением, не будем и мы ничем укорять ни о. Мелетия, ни о. Иоанникия, за их, может быть, небрежное отношение к памяти местных, недавних праведников и подвижников благочестия. Но со смирением и мольбою обратимся к преподобным хозяевам святой обители, да умудрят они нас на сие новое летописное делание, да подадут нужные силы и молитвенность в составлении житийных сказаний о тех, на коих утверждается Церковь Православная и кои, как стояние мира христианского, животворят мир духовный и открывают небеса для их подражателей.

Трудники в последние 40–50 лет существования монастыря

Отец Иоанникий удивительно быстро умел подходить к новому человеку и сразу всецело располагать его к себе. Обладая изумительной памятью на лица, он быстро ориентировался в той массе братии и трудников, превышавшей полторы тысячи человек, которая, будучи вверена ему Господом на ведение по пути спасения, всегда ждала от него правого, справедливого, успокоительного решения (правда, не всегда его получая).

Ежегодно число трудников колебалось от 500 до 700 человек разного возраста, начиная чуть ли не с 12-летних мальчиков и до седовласых отцов семейств. Присмотреться ко всем и безошибочно наметить того или другого на оставление в обители по истечении срока трудничества — вещь нелегкая. Помощь настоятелю оказывали так называемые монастырские старцы, из монашествующих, под присмотр коих сдавались сии рабы Господни. Жили они в келлиях по 3–5 человек в каждой. Наблюдение за ними было сначала общее, а затем, когда те втягивались в работу, — по мастерствам и специальностям. Старцы следили за степенью добросовестного исполнения послушания, а главным образом, за молитвенным настроением послушников.

Трудник, продолжавший незаконченную работу с ударом колокола к вечерне; трудник, не пришедший к полунощнице только потому, что с вечера поздно лег спать, проболтав со своими товарищами; трудник, неревнующий об истовой келейной молитве, хотя бы и исполнительный и усердный во всем остальном, — такой никогда не удерживался на новый срок, если даже и заявлял о сем своем желании отцу настоятелю. Монастырь искал трудников и работников, настроенных молитвенно, а не просто имеющих практическую смекалку, но не могущих согреть души и благотворно повлиять на окружающих из братии — в смысле подражания подвигу (хотя бы негласному) и выработке в себе духовной настроенности вообще. Наконец, иначе и нельзя было поступать, так как ежегодно в период навигации наблюдался все новый и новый приток трудников.

Из жития последнего иеросхимонаха Зосимы усматривается как раз его молитвенность в первые годы жизни в монастыре. А она-то и послужила причиной быстрого выдвижения его в церковные служители при Соборе, а в дальнейшем и получения священства и послушания гробового монаха у мощей святых угодников.

Отец Иоанникий подробно присматривался к жизни трудников, стараясь найти среди них молодежь, отмеченную чем-либо особым, трудников тихих, послушливых, с тайною молитвой, которую он познавал в них своим внутренним чутьем. Впоследствии подсознание так руководило им, что он внутренне знал, кто из братии, откуда и зачем пришел, о чем задумывал просить, причем тут же давал на все быстрые удовлетворительные ответы.

Годы войны, а затем и великая смута отвлекли приток трудников от монастыря, который вынужден был теперь довольствоваться наличным запасом монастырских сил, дабы и последних из них не потерять здесь, на местах, ныне так богомерзко оскверняемых.

Слово настоятеля Соловецкой обители архимандрита Иоанникия к трудникам-столярам

(25 января / 7 февраля — день празднования иконы «Утоли моя печали»)

Дар любви и благословения настоятеля Соловецкого монастыря благочестивым и Боголюбивым трудникам, в смирении и терпении, усердно и безленостно здесь труждающимся в службе древодельней.

Подвизайтесь и труждайтесь, блаженнии трудницы, с душевным усердием и без роптания в вашем святом делании, поелику Сама Преблагословенная Царица неба и земли, Святейшая небесных Херувимов и Серафимов и бывшая в земной жизни обручницею древодела, с любовью и благосердием назирает и благословляет смиренное ваше делание.

Пред сим образом честным молитесь Матери Божией — милостивой Помощнице всех труждающихся, и прежде вас трудившиеся в вашей службе пользовались Ея щедротами и милостями по мере своей веры и усердия. Также и вы на всякий день взаутрии, приходя к своему послушанию, прежде всего повергайтесь пред сим образом в благоговейной молитве к Матери Божией, да поможет вам в сей день потрудиться во уреченной¹ вам службе без греха, непреткновенно и без напасти, без скорби и уныния, со благодарением и радостью. Подобным образом и в вечер, по окончании делания, со умилением и благодарением паки припадайте ко Всемилостивой вашей Помощнице, сподобившей нас до кончины дня пребыти в деле и делании во славу Божию, во благо обители и во спасение душам вашим.

Радуйся, Радосте наша, избави нас от всякаго зла и утоли наша печали².

---

¹ Назначенной.

² Припев акафиста Божией Матери пред иконой Ея «Утоли моя печали».

Господи, Иисусе Христе, Единородный Сыне Божий, благоволивый родиться на земли от Пресвятыя Девы, обрученной смиренному и бедному древоделю, наименованный от сынов человеческих тектоном и тектоновым сыном и изволивый в земной жизни вспомоществовати мнимому Твоему Отцу Иосифу древоделю в смиренном труде древоделия, от высоты славы Твоя не престай приизирати выну на труждающихся zde в службе древодельней, и за труды земные и маловременные уготови им в Небесном Царствии венцы и воздаяния вечные и Боголепные.